

УДК 81'06
DOI: 10.17223/19986645/71/5

А.В. Ленец, Т.В. Овсиенко

ДИНАМИКА ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ КОНСТАНТ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ (АВСТРИИ, ГЕРМАНИИ, ШВЕЙЦАРИИ)¹

Представлен лингвокультурологический анализ динамики констант немецкоязычного ареала (Австрии, Германии, Швейцарии). Феномен идентичности трактуется как исходная площадка для выявления ценностной матрицы немецкоязычного ареала, установления лингвокультурных констант немецкоязычных стран и описания их в динамике на материале трансальпийского политического подкастинга „Servus. Grüezi. Hallo“. Описываются ключевые константы Австрии: нейтралитет и искусство, Германии: экология и демократия, Швейцарии: референдум, отдых и природа.

Ключевые слова: лингвокультура, константа, динамика, идентичность, подкаст, языковая картина мира, немецкоязычный ареал

Введение

Культура постоянно развивается, поскольку развивается и само общество, которое её создаёт. Воплощая в себе образцы поведения в коммуникации, культура формирует и поведение коммуникантов. Соответственно, культура и социум, оказываясь под воздействием внутренних и внешних сил, непрерывно находятся в состоянии динамического изменения. Тем не менее эти изменения, отличаясь целенаправленностью и закономерностью, не влияют в значительной мере на то ядро, которое внутренне присутствует в каждой культуре и сохраняет её целостность. Такое сочетание постоянных признаков в цепи переменных культуры в философии, социологии, культурологии и других гуманитарных науках определяется как «константы культуры» ([1–4] и др.).

Для обозначения неизменной составляющей культуры в современной лингвокультурологии используются также термины «архетипы», «мифологемы», «языковые ключи», «категории культуры», «культурные образцы и др. [5, 2], которые во многом взаимозаменяемы, в связи с чем в лингвистике часто используются как синонимы. Глубокое обоснование константы как «концепта, существующего постоянно или, по крайней мере, очень долгое время», было представлено в известной работе отечественного учёного Ю.С. Степанова [6. С. 76]. Константы культуры постоянно взаимодействуют, создавая, таким образом, класс или подгруппу ключевых констант. Отсюда и содержание самой культуры возможно представить по составляю-

¹ Статья выполнена в рамках программы поддержки публикационной активности Южного федерального университета.

щим её ключевым культурным константам или культурным концептам. Константы национальной культуры при этом могут совпадать по названию с константами другой национальной культуры, но будут отличаться по вкладываемому в них смыслу.

Культурная константа есть явление или событие, отношение к которому возникает при необходимости в любую эпоху и в любой культуре, находясь на перекрёстке смыслов и отношений. При этом на каждом историческом этапе константа будет требовать от культуры если не трансформации, то, по крайней мере, её адаптации в связи со сложившимися условиями своего существования. Как же обновляются ключевые характеристики культуры и как не принимаются «чужие»? При исследовании таких изменений в языке учитываются особенности структуры и функционирования той или иной культуры [7].

В связи с вышеизложенным *целью* настоящей *статьи* является анализ динамики лингвокультурных констант немецкоязычного ареала (Австрии, Германии, Швейцарии). Обращение к лингвокультуре именно этих трёх немецкоязычных стран обусловлено «системностью лингвокультуры и синергетики, которые предопределяются системностью единого дискурсивного пространства» [8. С. 21] (в данном случае немецкоязычного). В связи с этим считаем справедливым мнение Н.Ф. Алефиренко о том, что менталитет и лингвокультура являются взаимодетерминирующими категориями для исследования культурных констант. Такое понимание цели исследования предполагает решение следующих задач: определить идентичность как исходную площадку для выявления констант культур немецкоязычного ареала; описать лингвокультурные константы немецкоязычных стран в динамике.

Обзор литературы

Немецкий язык как организующий фактор немецкоязычных стран

Немецкий язык, объединяя представителей стран немецкоязычного ареала (австрийцев, немцев и швейцарцев), сближает их не только в общении, но и в культуре. Это отличает их от других народов Европы. В языке, который является своеобразной народной сокровищницей, зафиксированы незримо присутствующие знания о мире, опыт и культура предыдущих поколений. Вследствие чего язык и культура, взаимно обуславливая друг друга, превращаются в неразрывное целое и создают неповторимый мозаичный рисунок немецкоязычного культурного пространства.

На поликультурный потенциал немецкого языка указывают многие исследователи в области гуманитарных наук [9–11]. Так, в существующем немецкоязычном культурном пространстве присутствует деление, которое нашло своё выражение в разнообразии как ментальностей, так и вариантов немецкого языка. Немецкий язык отличает большое количество диалектов, которых в одной только Германии более пятидесяти.

Согласно Конституции Австрии официальным языком является немецкий в его классическом понимании (*Hochdeutsch*), а в 1951 г. официально

был признан и национальный языковой вариант (*Österreichisches Deutsch*). При этом решением Министерства образования, науки и исследований в Австрийском словаре (1951) австрийский национальный вариант и австро-баварские диалекты получили чёткое разделение.

Образование Республики Гельвеция (Helvetia) в 1798 г. можно считать датой основания мультязычного государства. Но окончательно этому статусу способствовала объявленная Наполеоном новая федеративная Конституция Швейцарии в 1815 г. Статус основных языков окончательно закрепился во времена Швейцарской республики. Необходимость изучать сразу три ведущих языка – немецкий, итальянский, французский – позволила развивать международные связи и всестороннее общение. Кроме того, в Швейцарии сформировался так называемый *Schwyzerdütsch* (швейцарский вариант немецкого языка), который разделён на диалекты.

В формировании национальной идентичности важную роль играет **история**, особенно события XX в. Идентичность определяется несколькими согласованными компонентами: отношение к историческому прошлому (история подтверждает и обосновывает идентичность), актуальная ситуация и цели (современность утверждает идентичность), направленные на будущее (формирует идентичность) [11. С. 158; 12].

Современная европейская идентичность имеет такой существенный параметр, как многообразие или множественность, которая свидетельствует о наличии нескольких частных идентичностей [13. С. 79]. Такими составляющими европейской идентичности являются идентичности немецкоязычного ареала. Каждая из идентичностей (немецкая, австрийская, швейцарская) имеет свою неповторимую историю, лингвистическую характеристику и может быть представлена как своеобразный немецкоязычный код в общеевропейской «мультиидентичности». Условием стабильности существующего в современной Европе многообразия ментальностей является европейская идентичность, понятие которой всё ещё окончательно не сформировано [13. С. 69]. Немецкая, австрийская и швейцарская идентичности формировались в процессе исторических потрясений и политических столкновений, которые и привели к перемене каждого национального самосознания. Кратко остановимся на ключевых моментах формирования каждой из исследуемых идентичностей.

Формирование национальных идентичностей в странах немецкоязычного ареала

Исследования в области истории [3, 14], политологии [15. С. 99], культуры [16; 17. С. 293–371], этнографии [18. С. 5], лингвистики [11] немецкоязычных стран (Австрии, Германии, Швейцарии) показывают, что ядром немецкоязычного сознания, которое формируется из «слов (идей, понятий, концептов) в ассоциативно-вербальной сети» [19. С. 194], является именно идентичность.

В истории становления *национальной идентичности немцев* выделяют: период Веймарской республики, послевоенный (Вторая мировая война)

период, который ассоциируется с чувством «коллективной вины» за нацистское прошлое; период разделения Германии на два государства; период после объединения Германии как время активного формирования чувства единой национальной идентичности. Исторических работ, посвящённых исследованию идентичности немцев, достаточно много [20].

Периоды исторического прошлого (Вторая мировая война, разделение Германии) оказали значительное влияние на формирование немецкой идентичности, которая включала в себя такие понятия, как „*Kollektivschuld*“ (коллективная вина), „*der deutsche Sonderweg*“ (особый немецкий путь), „*Buße*“ (раскаяние, искупление). Распространение открытого, реалистичного и нацеленного на будущее образа новой немецкой демократии стало одной из основных задач культурной деятельности в ГДР и ФРГ. Последовательный и глубокий процесс осознания вины немецким народом, частичная утрата своей идентичности, также переосмысление политико-культурных ценностей немцев в период разделения Германии привели к возникновению своеобразной «двойственности» в идентичности [3, 21]. «Двойственность» определяется такими понятиями, как „*Ossis*“ (восточные немцы) и „*Wessis*“ (западные немцы), за которыми стоят различия в социокультурном своеобразии, в миропонимании и даже в самом немецком языке. Всё это скорее являлось причиной разобщения народа, чем его объединения [22. С. 69]. Вопросом, на который предстояло ответить западным и восточным немцам на данном этапе: какое из понятий положить в основу объединённой немецкой идентичности – „*ethnische Zugehörigkeit*“ (этничность) или „*Staatlichkeit*“ (государственность)? Решение проблемы преодоления «разделённого» прошлого западным немцам виделось в Европейском союзе и формировании постнациональной модели идентичности. Восточные немцы ориентировались, прежде всего, на консолидацию всей нации на этнокультурной основе [20. С. 63]. Составляющими элементами немецкой идентичности являются региональная, национальная, европейская и, например, этнокультурная (если речь идёт о переселенцах из других стран), которые часто дополняют друг друга, а иногда противопоставляются.

Не менее трудным был путь по становлению национальной идентичности и у австрийцев, которая представляет собой многокомпонентный конструкт, включающий в себя синтез регионального, этнического, социального и культурного компонентов [15, 18]. Австрийцам потребовалось больше времени, чтобы обрести свою идентичность. Становление австрийской идентичности происходило преимущественно на двух уровнях: политическом и культурном. Исторические процессы отражали тесное переплетение немецкой и австрийской культур. В многонациональном государстве Австро-Венгрии немецкоговорящие граждане были одной среди многих других этнических групп. При этом австрийцы были одной из доминирующих этнических групп в государстве Габсбургов. Тем не менее в XIX в. и австрийцам пришлось отказаться от австрийской идентичности в пользу германской.

В последнее десятилетие XX в. исследователи австрийской идентичности связывают её с топонимом «Австрия», упоминание о котором связы-

вают с термином „*Ostarrichi*“ (впервые упомянут в 996 г.). После окончания Австро-Венгерской монархии в 1918 г. никто не верил в Австрию, династические ограничения исчезли, и возникла „*Deutschösterreich*“ (Немецкая Австрия), которая стремилась объединиться с Германией. Однако их объединение явилось неприемлемым, по мнению держав победительниц. После распада монархии Габсбургов в 1918 г. обсуждались такие термины, как „*Deutschösterreich*“ или „*Südostdeutschland*“. В результате из названия страны исчезло слово «Немецкая» и Австрии была практически навязана независимость [23. С. 3–6]. После отказа Австрии от имперско-монархической традиции австрийцы стали одной из европейских наций, что отразилось и на формировании австрийской национальной идентичности [11. S. 159].

Планомерная политика руководства Австрии способствовала формированию национального самосознания, в котором доминирует гордость за культурное наследие нации, где центральным ориентиром австрийской идентичности считается „*Neutralität*“ (*нейтралитет*). Так, в 1956 г. 49% австрийцев полагали, что они были самостоятельным народом, и 46% считали, что они были частью немецкого народа. В 1987 г. это было уже три четверти населения страны. В настоящее время более 80% жителей страны определяют себя гражданами Австрии. Важными принципами австрийской идентичности являются ориентация на западные ценности, социальное партнёрство, пространственно-территориальная составляющая, культура, природа, образование и австрийский федерализм [15. С. 105–107].

Рассматривая становление *швейцарской национальной идентичности* с позиции истории, необходимо упомянуть о том, что историческое возникновение Швейцарии обусловлено множеством столкновений и войн. Объявленный в 1291 г. договор о вечном альянсе и союзе между тремя кантонами лёг в основу Декларации независимости Швейцарии. Национальный праздник независимости отмечается 1 августа. Со временем количество кантонов союзных земель было увеличено. Это позволило достичь современных границ Швейцарии, а в результате заключения Вестфальского мира 1648 г. добиться независимости и провозгласить нейтралитет Швейцарского союза. Такой союз гарантировал неприкосновенность границ и независимость кантонов друг от друга. Отсюда в самом начале основным ориентиром в становлении швейцарской национальной идентичности становится „*Unabhängigkeit*“ (*независимость*). Следующий решающий этап в формировании швейцарской идентичности – принятие швейцарским правительством решения о выборе государством статуса „*Neutralität*“ (*нейтралитет*) (1914 г.). Всё же некоторое отступление от нейтрального курса во время Второй мировой войны (приём более полутора миллионов беженцев и торговые связи с гитлеровской Германией) тоже имело место.

Важными составляющими швейцарской идентичности являются следующие три компонента: гражданская идентичность, т.е. осознание себя гражданином страны, интеграция в общество; национально-культурная идентичность, что отражается в следовании культурным традициям, а также в выбо-

ре одного из четырёх языков (немецкого, итальянского, французского или ретороманского), и, наконец, кантональная идентичность, т.е. признание историко-культурных и территориальных особенностей. Кантональные идентичности тесно переплетаются со швейцарской, являясь в то же время её компонентами [24. С. 79–80]. Наличие трёх компонентов в структуре идентичности швейцарцев объясняет, почему швейцарцы сталкиваются с некоторыми трудностями, вызванными необходимостью отстаивать и не утратить уникальность неоднородной культуры. На наш взгляд, многоязычие Швейцарии позволяет судить об отличительных характеристиках национальной идентичности страны. Несмотря на языковые различия, кантоны объединены в одно государство – Швейцарскую конфедерацию.

В качестве промежуточного вывода следует заключить, что на современном этапе у представителей стран немецкоязычного ареала наличествует двойственная (или даже более) идентичность – национальная и европейская, где такие идеалы, как демократия, свобода, независимость, нейтралитет, по сути являются общими для всех рассматриваемых стран и в то же время имеют свою национальную специфику. Так, для австрийской идентичности принципиальное значение имеет нейтралитет, для швейцарской – независимость и свобода, а для немецкой идентичности – демократия. Исследовать обозначенные базовые константы в качестве макрокомпонентов идентичности считаем возможным на материале цифровых немецкоязычных аудиофайлов медиадискурса, представленных в Интернете.

Материал и методы исследования

Современное интернет-пространство выполняет функцию не только передачи информации о реальной действительности, но и интерпретирует её, фиксируя картину мира здесь и сейчас. Одним из относительно новых, но всё ещё мало используемых, материалов исследования является подкастинг. С момента своего появления в 2004 г. подкастинг стал популярной альтернативой традиционному радио без поддержки радиовещателя. Широкий спектр аудиоподкастов, доступность которых удовлетворяет растущий спрос, переживает в настоящее время второй расцвет. Многие передовые СМИ включают подкастинг в состав своих веб-сайтов. Подкастинг – это и эффективный инструмент в обучении иностранному языку. Результативность изучения иностранного языка с помощью подкастов и цифровых аудиозаписей была успешна доказана. Так что же такое подкастинг?

Термин «подкастинг» состоит из двух частей и означает, *„pod“* – популярный MP3-плеер iPod от Apple, а *„casting“* – вещание, т.е. трансляция / вещание из мобильного устройства. Вместе с тем большинство подкастов предназначены для небольшой, часто чётко определённой целевой группы, которая заинтересована в конкретной теме. По результатам проведённых исследований немецкими специалистами слушателями подкастов являются представители немецкоязычного населения в возрасте 14 лет и старше. В современных немецкоязычных СМИ многочисленные материалы произ-

водятся в виде подкастов. При этом треть всех слушателей интересуются подкастами из телевидения, фильмов, сериалов и новостей [25. S. 47]. Преимуществом подкастинга, который в современных исследованиях рассматривается как синтез Интернета и радио, заключается в том, что он является частью канала информации, которую можно прослушать в любое время и неограниченное количество раз.

В качестве материала исследования нами были взяты тексты из немецкоязычного подкастинга „Zeit Online“ (<https://www.zeit.de/serie/servus-gruezi-hallo>). В политическом трансальпийском подкастинге „*Servus. Grüezi. Hallo*“ корреспонденты цифрового выпуска газеты „Die ZEIT“ еженедельно обмениваются мнениями по актуальным темам из жизни трёх стран (Австрии, Швейцарии, Германии – соответственно приветствиям в трёх странах). В студию приглашаются и гости – эксперты в той или иной сфере. Темы для беседы берутся из всех сфер жизни трёх стран: политическая, общественная, культурная, обсуждается также социокультурное своеобразие каждого из обществ.

Подкастинг „*Servus. Grüezi. Hallo*“ представляет собой такую речевую деятельность, которая осуществляется в процессе дискуссии и закрепляется в виде краткого скрипта на сайте (название, краткое содержание, тема, дата выхода), а также в виде возможного взаимодействия с аудиторией (канал обратной связи, комментарии). Дискурсивная специфика исследуемого подкастинга заключается в формировании единой социокультурной среды, основанной на историческом коллективном коммуникативном поведении представителей различных лингвокультур. Своеобразие каждой из культур достаточно очевидно в аудиоматериале, где факты каждой из культур чётко фиксируются и вербализуются.

Подкаст, являясь жанром массмедийного дискурса, отражает важную составляющую константы – динамику. Ведь константы содержат как неизменную, так и переменную части. Данное обстоятельство позволяет проследить изменение константы на определённом отрезке времени [6. С. 6]. Проследим динамику лингвокультурных констант на примере подкастинга „*Servus. Grüezi. Hallo*“, материалом которого послужили около 100 подкастов (общей продолжительностью более 60 часов) в период с 2018 по 2020 г. Структурной единицей в подкастинге будем считать информационный выпуск, т.е. еженедельный блок.

В ходе исследования использовались различные методы лингвокультурологии. Для описания константы применялся компонентный анализ доминанты синонимического ряда слова, используемого для вербализации культурно-маркированных характеристик константы. Контекстологический анализ позволил исследовать языковые единицы, репрезентирующие исследуемые константы, в развёрнутом контексте. С помощью метода статистического подсчёта устанавливалась частотность языковых единиц, репрезентирующих исследуемые константы в подкастинге.

Результаты исследования

Лингвокультурные константы немецкоязычного ареала на поворотах истории

Интерес к идентичности и лингвокультурным константам связан с динамическими процессами современного глобального общества. Миграционные процессы, культурные обмены и межкультурное взаимодействие – отличительные признаки жизни европейского общества второго десятилетия XXI в. В пространстве любой культуры постоянно появляются новые социальные реалии, которые дестабилизируют социальную устойчивость или даже существенно преобразуют привычные системы социальной дифференциации. Так, рост числа людей с миграционными корнями в Европе показывает, что они заметно влияют на развитие лингвокультуры немецкоязычного ареала (см., например, возникновение в немецком языке нового социоэтнолекта *Kiezdeutsch*). Межкультурное взаимовлияние в контексте меняющихся условий европейского пространства изменяет компоненты лингвокультуры в странах немецкоязычного ареала.

Лингвокультура является результатом поведения людей и деятельности общества в целом, основана на символах и включает идеи, модели, ценности [26]. Лингвокультурные константы детерминируются нами как культурно доминирующие ценности, как своеобразное ядро лингвокультуры, необходимое для соблюдения баланса всей структуры. Неизменной совокупности констант культуры не существует, постоянно формируются новые или изменяются уже существующие. В связи с этим в каждой культуре на определённом историческом этапе выделяются доминирующие константы и устанавливаются новые. Культурные константы существенно меняются под влиянием политических, социальных, экономических, религиозных и иных процессов. Так, например, в конце XVIII – начале XIX в. немцы производили впечатление народа крайне непрактичного. Это подтверждается и впечатлениями американского писателя М. Твена, путешествовавшего во второй половине XIX в. по Германии и полагавшего, что немцы более склонны к музыке, литературе и философии, нежели к предпринимательству и технике. Техническая революция и переворот в промышленности, который произошёл в Германии в середине XIX в. (с 30-х и до 70-х гг.), повлиял на появление таких констант в немецкой культуре, как деловитость (достаточно вспомнить целое направление в искусстве и литературе Германии „*Neue Sachlichkeit*“, 1918–1933), дисциплина (*Disziplin ist alles! Дисциплина – это всё!* предположительно слова прусского генерала-фельдмаршала Гельмута Мольтке, 1800–1891). Именно деловитость и дисциплина стали отличительными чертами немцев, без которых невозможно сейчас представить современную немецкую культуру. А стереотип о неспособности немцев к предпринимательству стал анахронизмом.

Переломным моментом в истории Австрии явился крах Австро-Венгерской монархии в XX в. Это был не только распад территориального, политического, культурного, языкового порядков, он стал коллективной

травмой всего общества. Отказ от имперско-монархической традиции повлёк за собой развитие не только независимости („*Unabhängigkeit*“), некой провинциальности (или региональности / „*Regionalität*“) в характере австрийцев, но и своеобразного чувства юмора (часто «чёрного» юмора / „*schwarzer Humor*“), иронии или самоиронии („*Selbstironie*“). Интересно, что именно в этот период появляются произведения австрийских писателей, философов, отличительной чертой которых становится ирония и самоирония австрийцев [27]. Ирония помогает справиться с трудной ситуацией, а самоирония выполняет функцию «самообороны» и позволяет избежать насмешек со стороны представителей других стран. Примером иронии может быть фраза австрийского чиновника, который в тяжёлый для Австро-Венгерской монархии ситуации, охарактеризовал её в Национальном совете так: „*Die Lage in Österreich ist hoffnungslos, aber nicht ernst*“ («Ситуация в Австрии безнадежна, но не серьёзна»). Данная цитата, которая приписывается во многих источниках различным писателям, стала позже восприниматься как «венская идиома» или своеобразный ироничный девиз австрийцев.

Австрийский юмор (в том числе и его вариант «чёрный» юмор) формировался в течение долгого времени и в результате приобрёл национальные черты представителей всех народов, проживавших когда-то на территории Австро-Венгрии: от венгерского пессимизма до чешского сюрреализма и итальянской забавы. Примером «забавного» чёрного юмора австрийцев могут быть рифмованные шутки, которые всегда начинаются со слов «все дети». Каждый австриец знает эти шутки с детства, а также активно участвует в их создании („*Alle Kinder rennen in den Bunker – nur nicht Renate, die fängt die Granate*“ «Все дети несутся в бункер – только не Рената, которая ловит гранату»). Таким образом, юмор и ирония в результате исторических процессов приобрели неповторимый австрийский «чёрный» оттенок, подчас творческой самоиронии [28. S. 237–244].

Описанные выше компоненты швейцарской идентичности – независимость и нейтралитет – способствовали кристаллизации такой лингвокультурной константы как „*humanitäre Aktivität*“ («гуманитарная активность» или «гуманизм»), которая в ходе Первой мировой войны стала мотивом плакатов и почтовых открыток. Цель этой акции заключалась в преодолении внутренней раздробленности и разобщённости, которые грозили расколоть Конфедерацию. Истоки гуманизма как лингвокультурной константы швейцарцев были заложены, однако, ещё в 1685 г., когда гугеноты преследовались во Франции из-за их протестантских убеждений. И, несмотря на чувствительное финансовое бремя для Швейцарии, тысячи гугенотов нашли здесь для себя убежище [29. S. 261].

Швейцарская гуманитарная традиция формировалась в различных сферах: политической, социальной, культурной, педагогической. В этой связи целесообразно привести высказывание швейцарского социального реформатора, одного из крупнейших педагогов-гуманистов XVIII–XIX вв. Иоганна Генриха Песталоцци (1746–1827): „*Wir wollen nicht die Verstaatli-*

chung des Menschen, sondern die Vermenschlichung des Staates“ («Мы хотим не национализацию человека государством, а гуманизацию государства»). Швейцарская гуманитарная традиция получила своё дальнейшее развитие в связи с деятельностью гуманитарного общества Красного Креста, основание которого стало возможно в 1863 г. благодаря деятельности швейцарского бизнесмена и писателя Анри Дюнан. Неслучайно эмблемой Красного Креста стал швейцарский флаг, основной цвет которого был заменён на белый, а белый крест – на красный.

Очевидно, что для швейцарской культуры константа «гуманизм» означает готовность передавать из поколения в поколение гуманитарную традицию, оказывать материальную помощь жертвам войны, беженцам, а также гражданскому населению и жертвам стихийных бедствий. Естественным продолжением гуманитарной традиции представляется приверженность соблюдения прав человека Швейцарии как в своей собственной стране, так и на международном уровне. В результате «особый гуманитарный случай» (*„humanitärer Sonderfall“*) / гуманитарная традиция и уважение прав человека являются ключевыми «константами швейцарской внешней политики» [30. S. 1–2] и швейцарской лингвокультуры.

Тем не менее на современном этапе, несмотря на существующие традиции, Швейцария ужесточила иммиграционные законы и законы о предоставлении убежища. Данная мера, поддерживаемая абсолютным большинством населения Швейцарии, обусловлена тем, что возросло количество людей, которые покидают свою страну по социальным, а не по политическим причинам. Это объясняет недовольство граждан Швейцарии большим количеством мигрантов в стране. В связи с этим был проведён референдум, в результате которого жители страны проголосовали за отказ в приёме беженцев или их значительное уменьшение в стране.

Переломные повороты в истории оказывают влияние на развитие лингвокультурных констант, которые долгое время оставались статичными. При этом сложившаяся историческая ситуация либо меняет их в значительной степени (пример Австрии), либо меняет их функциональные характеристики (пример Швейцарии), либо способствует возникновению новых констант лингвокультуры (пример Германии).

Лингвокультурные константы немецкоязычного ареала в динамике

Любое лингвокультурное пространство определяется границами культурных процессов, которые происходят внутри социокультурного общества. Успешность процессов в границах только этого общества указывает на его специфику и своеобразие. Константы лингвокультуры проявляются в повседневной жизни как своеобразные стандарты-эталоны. Лингвокультурная константа есть модель представления уже существующих знаний о каком-то фрагменте картины мира. Корпус констант определяется в связи со сложившимися в описываемой культуре представлениями, которыми обладают все члены лингвокультурного общества. Система координат

немецкоязычного пространства изучена достаточно широко ([16, 31–39] и мн. др.), но сравнительного анализа сразу трёх стран (Австрии, Германии и Швейцарии) ещё не проводилось. Анализ ранее проведённых многочисленных исследований по установлению существующих констант и концептов немецкой, австрийской и швейцарской лингвокультур [16, 17, 31–36, 38], а также эмпирический опыт авторов настоящей статьи, полученный во время научных стажировок в трёх странах, позволяет схематично представить их следующим образом (даны в алфавитном порядке):

– **немецкие лингвокультурные константы** – *Arbeit* (работа, труд), *Bier* (пиво), *Bürger* (гражданин), *Demokratie* (демократия), *Direktheit* (прямота, откровенность), *Disziplin* (дисциплина), *Doktor Faust* (доктор Фауст), *Exaktheit* (точность в измерениях), *Fleiß* (прилежность), *Freikörperkultur* (культура нудистского пляжного отдыха), *Fußball* (футбол), *Gehorsam* (послушание), *Gott* (Бог), *Goethe* (Й.В. Гёте), *Genauigkeit* (точность в терминологии), *Gründlichkeit* (основательность), *Höflichkeit* (вежливость), *Kirche* (церковь), *Koalition* (коалиция), *Kollektivschuld* (коллективная вина), *Vergangenheitsbewältigung* (преодоление прошлого), *Ordnung* (порядок), *Pünktlichkeit* (пунктуальность во времени), *Reiselust* (любовь к путешествиям), *Religion* (религия), *Sachlichkeit* (деловитость), *Sauberkeit* (чистота), *Sicherheit* (безопасность), *Toleranz* (толерантность); *Ungestalt* (безобразность), *Universität* (университет), *Verantwortung* (ответственность), *Wende* (пермена строя), *Zeit* (время), *Zuverlässigkeit* (надёжность);

– **австрийские лингвокультурные константы** – *Ästhetismus* (эстетизм), *Ausgleich* (примирение), *Austriazität* (австрийскость), *Badeseekultur* (культура купания), *Ball* (бал), *Berge* (горы), *Etikette* (этикет), *Gemütlichkeit* (уют), *Genießer* (гурман / ценитель), *Heldenplatz* (Площадь Героев), *Heuriger* (традиционный австрийский ресторан), *Hierarchie* (иерархия, порядок подчинённости), *Höflichkeit* (вежливость), *Ironie* (ирония), *Kaffeehaus* (кафе), *Kompromiss* (компромисс), *Kultur* (культура), *Kunst* (искусство), *Manierlichkeit* (учтивость), *Mozart* (Моцарт), *Musik* (музыка) и *Musikalität* (музыкальность), *Neutralität* (нейтралитет), *Oper* (опера), *österreichische Lösung* (предполагаемое решение), *Patriotismus* (патриотизм), *Schönheit* (красота), *Schwarzer Humor* (чёрный юмор), *Skifahren* (катание на лыжах), *Selbstironie* (самоирония), *Sparsamkeit* (экономность), *Stolz* (гордость), *Tischkultur* (культура приёма пищи), *Walzer* (вальс), *Wien* (Вена), *Wintersport* (зимние виды спорта);

– **швейцарские лингвокультурные константы** – *Alpen* (Альпы), *Bank* (банк), *Eigenverantwortung* (персональная ответственность), *Freiheit* (свобода), *Freistatt* (убежище), *Frieden* (мир), *Friedlichkeit* (миролюбие), *Gebirge* (горы), *Geld* (деньги), *Gold* (золото), *Gemessenheit* (степенность), *Gleichmütigkeit* (равнодушие), *Humanität* (гуманность), *Kantönligeist* (местный патриотизм), *Landschaft* (ландшафт), *Multikulturalität* (мультикультурализм), *Natur* (природа), *Qualität* (качество), *Schokolade* (шоколад), *Solidarität* (солидарность), *Sonderfall*, *Sonderweg*, *Geheimnisweg* (особый случай,

особый путь, таинственный путь), *Stabilität* (стабильность), *Wanderlust* (страсть к путешествиям), *Wilhelm Tell* (Вильгельм Телль), *Toleranz* (толерантность), *Uhr* (часы), *Unabhängigkeit* (независимость), *Vielfalt* (многообразие), *Vielsprachigkeit* (многоязычие).

Представленный список, естественно, не претендует на абсолютную завершенность и остаётся открытой системой, так как изменения в жизни общества приводят в свою очередь к сдвигам в смыслах констант, отношение к ним и их актуализации в определённый исторический период. Кроме того, некоторые константы наличествуют у отдельных представителей лингвокультуры (ср., например, *Kollektivschuld* (коллективная вина), *Vergangenheitsbewältigung* (преодоление прошлого) у немцев преимущественно старшего поколения).

В качестве параметров исследования динамики в специфике лингвокультурного пространства, на наш взгляд, выступают *сформированность лингвокультурных констант* внутри описываемого пространства, *соотношение доминирующих лингвокультурных ценностей в различных сферах* и *концентрация лингвокультурных явлений* для каждого общества. Определение содержания константы культуры возможно по засвидетельствованным контекстам употребления, в том числе и в подкастинге. Рассмотрим динамику лингвокультурных констант в немецкоязычном ареале на примере подкастинга „*Servus. Grüezi. Hallo*“.

Для установления уровня сформированности лингвокультурных констант внутри немецкоязычного пространства были прослушаны и затем проанализированы 96 подкастов. Общее количество проанализированных примеров на немецком языке составляет около 3000 лексических единиц. С помощью количественного метода, являющегося базовым для выяснения частотности употребления лексем, были зарегистрированы и систематизированы лексические единицы, актуализирующие лингвокультурные константы немецкоязычного ареала в подкастинге. Дискурсивный анализ позволил выявить социальный контекст использования лингвокультурных констант в каждой отдельной культуре немецкоязычного ареала. Предварительный этап лингвокультурологического исследования заключался в анализе подкастинга „*Servus. Grüezi. Hallo*“, который позволил установить следующие базовые константы, актуальные для всех трёх стран немецкоязычного ареала: „*Rechtsstaat*“ (государство, основанное на законности) (19%); „*Wohlstand*“ (благополучие) (17%); „*Natur*“ (природа) / „*Alpen*“ (Альпы) (15%); „*Ökologie*“ (экология) / „*Umweltschutz*“ (охрана окружающей среды) (15%); „*Kunst*“ (искусство) / „*Traditionen*“ (традиции) (12%); „*Religion*“ (религия) (7%); „*Körperkultur*“ (физическая культура) (6%); „*Patriotismus*“ (патриотизм) (3%); „*Bildung*“ (образование) (3%) и др. (3%). Константы расположены в соответствии с показателями количества актуализированных ассоциативных лингвистических единиц в подкастинге. Первые две – „*Rechtsstaat*“ (государство, основанное на законности), „*Wohlstand*“ (благополучие) актуализируются чаще всего с большим отрывом от всех остальных.

Установление обозначенных ценностей, выделенных на основе анализа подкастов, позволило прийти к выводу, что среди представителей трёх немецкоязычных лингвокультур существуют значимые ориентиры, что способствуют также взаимопроникновению наиболее общих национальных понятий и терминов. На основе одних и тех же констант культурные темы тем не менее интерпретируются по-разному. Такой ориентир для лингвокультур, например, очевиден в понимании государства, которое основано на равенстве, законе и порядке, для всех немецкоязычных культур: *Grundgesetz* (закон), *Justiz* (правосудие), *Menschenrechte* (права человека), *Ordnung* (порядок), *Verfassung* (конституция), *Wahlen* (выборы). Количество вопросов и тем, затрагиваемых участниками дискуссий, показало, что для каждой из лингвокультур немецкоязычного ареала в определении государственности существуют нюансы. Так, для австрийской лингвокультуры принципиальными категориями являются также *Kompromiss* (компромисс), *Länderfinanzausgleich* (финансовое сбалансирование между землями), *Neutralität* (нейтралитет), *Sozialstaat* (социальное государство), *Sozialpolitik* (социальная политика). Для швейцарской лингвокультуры государственность актуализируется следующими ориентирами: *Abstimmung* (голосование), *Bund* (союз), *direkte Demokratie* (прямая демократия), *Mitbestimmung* (участие в принятии решения), *Referendum* (референдум), *Selbstbestimmungsinitiative* (инициатива самоопределения). Этноспецифическими измерениями государственности для немецкой лингвокультуры являются *Gleichberechtigung* (равноправие), *Koalition* (коалиция), *Sicherheit* (безопасность), *Wahlen* (выборы).

Контекстологический анализ подкастов позволил исследовать языковые единицы в развёрнутом контексте и соотнести доминирующие лингвокультурные ценности с различными сферами жизни каждой из трёх лингвокультур отдельно. Так, для **немецкой лингвокультуры** доминирующими ценностями (42% всех примеров) оказались в общественной жизни (*Burschenschaft* (студенческое объединение), *Hochschule* (вуз), *Lehrerberuf* (профессия учителя), *Migranten* (мигранты), *Rente* (пенсия), *Sozialhilfe* (социальная помощь), *Studienplatz* (место учебы), *Universitäten* (университеты), *Wohnungsmiete* (квартирная плата)) и в сфере экологии и охраны окружающей среды (*Dürre* (засуха), *Hitze* (жара), *Klimawandel* (изменение климата), *Mülltrennung* (сортировка мусора), *Stromgewinnung* (производство электроэнергии), *Verkehrswende* (переход на экологический вид транспорта)).

Преобладающими константами (более 48% всех примеров) для **швейцарцев** отмечены в сфере благополучия (*Altenpflege* (забота о престарелых), *Ferien* (каникулы), *Geld* (деньги), *Ruhe* (спокойствие), *Urlaub* (отпуск)), здорового образа жизни (*Ökologie* (экология), *Sport* (спорт), *Wandern* (новый туризм), *Wasser* (вода)) и географического пространства, которое связано с Альпами (*Alpen* (Альпы), *Alpenrepublik* (Альпийская республика), *Flüße* (реки), *Gebirge* (горы), *Landschaft* (ландшафт), *See* (озеро), *Wälder* (леса)). Следует отметить, что материальное богатство как таковое не входит в число основных ценностей швейцарца. Тем не менее у каждого гражданина Швейцарии должно быть достаточно средств, чтобы обеспе-

чить себе достойное существование. Более принципиальными признаками для жителя Швейцарии являются размеренная, спокойная жизнь и количество свободного времени, которое можно посвятить своему саморазвитию, своим интересам, хобби, родным, близким, друзьям и т.д.

Для **австрийской лингвокультуры** константы доминировали (более 45% всех примеров) в сферах патриотизма (*Armee* армия), *Dienst- und Wehrpflicht* (воинская обязанность), *Dorfleben* (жизнь в деревне), *Gewerkschaft* (профсоюз), *Heimat* (родина), *Neutralität* (нейтралитет), *Trachtkleid* (национальная одежда), *Traditionen* (традиции), *Zivildienst* (альтернативная служба)) и культуры и искусства (*Bands* (музыкальные группы), *Fernsehen* (телевидение), *Karneval* (карнавал), *Klassiker* (классики), *Literatur* (литература), *Musik* (музыка), *Oper* (опера), *Theater* (театр)).

Установление концентрации лингвокультурных явлений для каждой лингвокультуры немецкоязычного пространства направлено на выявление культурно-маркированной лексики в подкастинге. При отборе культурно-маркированной лексики нами учитывался тот культурный компонент, который отражал специфику каждой из трёх лингвокультур. Наличие культурного компонента в семантике слова, обозначающего реалию национальной культуры, позволяет распознать особенность описываемого объекта с позиции лингвокультурологии. Под реалией нами понимаются объекты или явления, характерные для культуры определённого народа, обозначения которых зафиксированы в языке. Анализ подкастов позволил выявить концентрацию реалий во всех трёх лингвокультурах преимущественно в сферах государственного устройства, культурной сферы, культуры питания, отдыха и природы, хотя и с небольшими доминантами в каждой из лингвокультур. Представим краткий обзор полученных результатов лингвокультурологического анализа концентрации реалий. Всего было зафиксировано 283 языковые единицы, обозначающие реалии.

Швейцарская лингвокультура демонстрируется преимущественно единицами, обозначающими реалии в сфере государственного устройства и отдыха. Выявленные нами реалии в сфере государственного устройства (25%) представлены в основном понятийными признаками символами национального праздника Швейцарии – дня независимости: *Alpenrepublik* (Альпийская республика), *Augustrede* (речь президента в день независимости Швейцарии, 1 августа) *Bundesfeiertag* (день национальной независимости Швейцарии), *direkte Demokratie* (прямая демократия), *FahnenSchwingen* (размахивание флагами), *Landgemeinde* (сельская община, собрание, осуществляющее прямое демократическое правление), *Referendum* (референдум), *bilateraler Weg/ Abkommen* (двусторонняя конвенция взаимоотношений Швейцарии с ЕС). Реалии доминировали также в подкастах, посвящённых отдыху (21%) швейцарцев: *Aktion* (распродажа), *Badi* (бассейн), *Badewaschl* (отличный пловец), *Car* (туристический автобус), *ennet der Alpen* (по ту сторону Альп), *Karre* (автомобиль), *Da bist du falsch berichtet* (ты плохо проинформирован), *Retourbillett* (билет туда и обратно), *pedalen* (ехать на велосипеде), *Velo* (велосипед).

В ходе анализа этнокультурной специфики в указанных выше сферах было обнаружено, что единицы, обозначающие реалии австрийской лингвокультуры, преобладают в государственной сфере вокруг нейтралитета и компромисса (15%): *identitäre Bewegung* (движение идентичности), *Neutralitätspolitik* (политика нейтралитета), *Neutralitätsgesetz* (закон о нейтралитете), *österreichische Lösung* (предполагаемое решение), *Sanktionen* (санкции). Другой сферой, где доминируют реалии австрийской лингвокультуры, являются культура и искусство (19%): *Cerclesitz* (место в первых рядах), *Christtag* (Рождество), *Jodl* (вид пения йодль), *Gartenschloß* (дворцовый комплекс), *Kaffeehaus* (кофейня), *Landesmuseum* (краеведческий музей), *Trachtkleid* (национальный костюм), *Wiener Oper* (Венская опера), *Wiener Walzer* (венский вальс), *Wiener Schmah* (венская шутка), „*Dospütd'Musi!*“ / *Hier spielt die Musik!*“ (Будь осторожен!). Группа реалий в сфере культуры питания и еды (11%) актуальна для австрийской лингвокультуры: *Backhendel* (цыплёнок по-венски), *Gespitzte* (вино с содовой), *Manner* (венские вафли), *Wiener Schitzel* (шницель по-венски).

Лексических единиц, обозначающих реалии немецкой лингвокультуры, было обнаружено не так много, что можно объяснить спецификой самого подкастинга, задача которого – познакомить слушателей с социокультурной жизнью Австрии и Швейцарии. Тем не менее для немецкой лингвокультуры выявленные лексические единицы обнаруживаются в сфере государственного устройства (19%) Германии: *Angela Merkel* (Ангела Меркель), *CDU* (Христианско-демократический союз), *CSU* (Христианско-социальный союз), *GroKO* (большая коалиция), *Grünen* (Партия зелёных), *Kanzlerin* (женщина-канцлер), *Koalition* (коалиция), *Wahlsystem* (выборная система). Другая группа реалий характеризует Германию как страну технологий и инноваций (16%): *Netzwerktechnologien* (сетевые технологии), *Bahnverkehr* (железнодорожное движение), *Technologie der Bierbereitung* (технология пивоварения), *zukunftsweisende Technologie* (инновационные технологии), *Digitalisierung* (цифровизация).

Заключение

Лингвокультурные константы объединяют национально-специфические компоненты и отражают сложные процессы и явления, происходящие внутри социокультурного общества. Функция констант заключается в сохранении устойчивости условий существования человека в постоянно изменяющемся мире, в том числе и в языке. Знание констант позволяет человеку адаптироваться к условиям социальной среды.

Лингвокультурные константы обеспечивают целостность сообщества и его культуры. Лингвокультурные константы отражают исторический, политический и социальный опыт общества, его культурные ценности и традиции. Исторические и социальные процессы, происходящие в мире, в значительной степени влияют на развитие национальных языков, лингвокультур и констант. При этом изменение базовых констант заключается в частичной замене их компонентов, полной деконструкции или исчезновении. Динамика лингво-

культурных констант находит своё отражение в речевой деятельности членов социокультурного общества и репрезентируется в современном радиодискурсе и его разновидности подкастинге. Вербализованные в трансальпийском подкастинге „*Servus. Grüezi. Hallo*“ константы позволили выявить динамику лингвокультурных констант в немецкоязычном ареале.

Согласно полученным в ходе исследования данным ключевыми константами лингвокультур трансальпийского пространства являются «правовое государство» и «благосостояние». Преобладание данных констант, подразумевающих гарантию прав и свобод, соблюдение закона, безопасность, возможность проявлять инициативу и сделать выбор, высокий уровень социальной защиты, свидетельствует о том, что они имеют приоритетное значение в ряду общечеловеческих ценностей. Этноспецифическая константа для немецкой лингвокультуры – «экология», которая характеризует немецкую нацию как экологически ответственную. Преобладание констант «отдых» и «природа» в швейцарской культуре свидетельствует о важном символическом значении ландшафтов в жизни швейцарцев. Константа «искусство», преобладающая в австрийской культуре, подтверждает стереотип о мировом значении музыкальной, литературной и искусствоведческой составляющей австрийской лингвокультуры. Все вышеперечисленные константы тесно взаимосвязаны внутри немецкоязычного пространства и формируют каркас картины мира немецкоязычной лингвокультуры.

Литература

1. Луков В.А. Культурные константы: тезаурусный подход // Вестник Московского государственного педагогического университета. Серия: Философские науки. 2014. № 2 (10). С. 111–119.
2. Турье С.В. Культура и её сценарий: имплицитный обобщённый сценарий как интегратор // Общественные науки и современность. М., 2017. № 2. С. 153–164.
3. Миллер А.И. Дебаты об истории и немецкая идентичность // Политическая наука. 2005. № 3. С. 66–75.
4. Gilson, E. Linguistique et philosophie. Essai sur les constantes philosophiques du langage. P. : Librairie philosophique J. Vrin, 1969. 309 p.
5. Карасик В.И. Нарративное измерение лингвокультурных ценностей // Язык и культура. 2019. № 47. С. 59–75.
6. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
7. Куссе Х., Чернявская В.Е. Культура: объяснительные возможности понятия в дискурсивной лингвистике // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2019. № 16 (3). Р. 444–462. DOI: 10.21638/spbu09.2019.307
8. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурная природа ментальности // Язык. Словесность. Культура. 2011. № 1. С. 20–39.
9. Язык и культура: поликультурный потенциал немецкого языка // Материалы Международной научно-практической конференции / редколлегия: Л.А. Иванова, Т.А. Полуянова. Ульяновск : УлГПУ, 2013. 273 с.
10. Немецкий язык в эпоху глобализации: вызовы и перспективы / ред. Л.А. Иванова, Т.А. Полуянова. Ульяновск : УлГПУ, 2014. 223 с.
11. Borčić N., Wollinger S. Deutschland, Österreich, Luxemburg und die Schweiz: Identität und Sprachpolitik // Informatologia. 2008. № 41. S. 156–160.

12. Кауганов Е. Дискурс национальной идентичности в послевоенной Германии // Очерки о европейской идентичности и многокультурности : сборник / под ред. М.Ю. Мартыновой. М., 2013. С. 11–74.
13. Волков В.В., Волкова Н.В., Гладылина И.В. Русский менталитет и европейская идентичность: Лингвистический и лингвоментальный аспекты // Вестник ТвГУ. Серия: Филология. 2019. № 1 (60). С. 69–80.
14. Попцов Д.А. Специфика европейского и национального уровней в структуре идентичности немцев (историко-статистический аспект) // Вестник ТГПУ. 2015. № 9 (162). С. 262–269.
15. Васильев В.И. Австрийская идентичность и европейская интеграция // Научно-аналитический журнал Обозреватель-Observer. 2013. № 2 (287). С. 98–115.
16. Чеснокова Л.В. Концепты немецкой культуры. Ногинск : Аналитика РОДИС, 2017. 432 с.
17. Национальные коды в европейской литературе XIX–XXI веков. Н. Новгород : Нижегород. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского, 2016. 677 с.
18. Холлер Е.В. Деконструкция деконструкции, или Как исследовать идентичность // Перемены в самосознании и жизненном укладе европейцев на рубеже XX–XXI веков (Австрия, Исландия, Испания, Сербия) / Р.Н. Игнатьев, А.Н. Кожановский, И.А. Кучерова, Е.В. Холлер. М., 2016. Вып. 248. С. 5–13.
19. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М. : Наука, 1987. 263 с.
20. Грошева Г.В. Немецкий дискурс о прошлом и проблема соотношения национальной и европейской идентичностей немцев (вторая половина XX – начало XXI в.) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2014. № 3 (5). С. 57–67.
21. Рогожин А.А. Проблема генезиса немецкого национального самосознания в контексте международных отношений: история и современность // Вестник Волгоградского государственного университета. 2011. Сер. 4. Ист. № 1(19). С. 98–103.
22. Хауер-Тюкаркина О.М. Дискурс национального в современном немецком обществе // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз. 2013. № 4 (71). С. 67–78.
23. Шимов Я. Австрия и Венгрия: идентичность на развалинах / Австро-Венгерская империя. М. : Исток, 2003. 608 с.
24. Бабич И.Л. Современные конфликты с кавказскими и мусульманскими мигрантами как один из методов сохранения швейцарской идентичности // Государство и право зарубежных стран. 2018. № 3 (12). С. 77–90.
25. Domenichini B. Podcastnutzung in Deutschland. Ergebnisse einer empirischen Studie // Media Perspektiven. 2018. № 2. S. 46–49.
26. Ленец А.В., Овсиенко Т.В. Фразеологическая репрезентация лингвокультурных констант «маскулинность / фемининность» (на материале немецкого языка) // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2018. № 1 (29). С. 62–68. DOI: 10.29025/2079–6021-2018-1(29)-62-68.
27. Perloff M. Ironie am Abgrund. Die Moderne im Schatten des Habsburgerreichs: Karl Kraus, Joseph Roth, Robert Musil, Elias Canetti, Paul Celan und Ludwig Wittgenstein. Wien ; Hamburg : Edition Konturen, 2019. 192 S.
28. Müller S. Wiener Schmähe// Johannes Feichtinger, Heidemarie Uhl (Hg.): Habsburg neu denken. Zentraleuropa-Erfahrungen und ihre Gegenwartsrelevanz. Wien ; Köln ; Weimar : Böhlau, 2016. S. 237–244.
29. Bär J. Schlüsselbegriffe als Kulturvermittler. Zur Semantik und Funktion von kulturspezifischen Lexemen des Schweizerdeutsch // Linguistische Treffen in Wrocław. 2018. Vol. 14. S. 259–268. DOI: 10.23817/lingtreff.14-23
30. Fanzun Jon A. Schweizerische Menschenrechtspolitik seit dem Zweiten Weltkrieg – ein Überblick, in: Jusletter (Die grösste juristische Universalzeitschrift der Schweiz) 7. Februar 2005. URL: https://jusletter.weblaw.ch/juslissues/2005/313/_3707.html__ONCE&login=false (дата обращения: 01.02.2020).

31. Заболотских Л.В. Национальная концептосфера как фактор формирования культурной картины мира (на примере Австрии) : дис. ... канд. культурол. М., 2018. 172 с.
32. Медведева Т.С. Ценности немецкого народа: история и современность // Вестник Удмуртского университета. 2010. № 3. С. 130–134.
33. Медведева Т.С., Опарин М.В., Медведева Д.И. Ключевые концепты немецкой лингвокультуры / под ред. Т.И. Зелениной. Ижевск : Удмурт. ун-т, 2011. 160 с.
34. Муравлёва Н.В., Муравлёва Е.Н. Австрия: Лингвострановедческий словарь. М. : Русский язык-Медиа, 2003. 656 с.
35. Муравлёва Н.В., Муравлёва Е.Н., Назарова Т.Ю. и др. Германия: Лингвострановедческий словарь / под ред. Н.В. Муравлёвой. М. : АСТ, 2011. 991 с.
36. Тахтарова С.С. Прагмалингвистические особенности межкультурной коммуникации в немецкоязычной Швейцарии // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2019. № 1. С. 147–154. DOI: 10.23683/1995-0640-2019-1-147-154
37. Холлер Е.В. Функциональность стереотипа в процессе построения идентичности: австрийский кейс // Сибирские исторические исследования. 2017. № 1. С. 74–98.
38. Bühler E. Zum Verhältnis von kulturellen Werten und gesellschaftlichen Strukturen in der Schweiz. Das Beispiel regionaler Gemeinsamkeiten und Differenzen der Geschlechterungleichheit // Geographica Helvetica. 2001. Jg. 56. Heft 2. S. 77–89.
39. Scharloth J. Asymmetrische Plurizentrität und Sprachbewusstsein. Einstellungen der Deutschschweizer zum Standarddeutschen // Zeitschrift für germanistische Linguistik. 2007. Vol. 33, № 2-3. P. 236–267. DOI: <https://doi.org/10.1515/zfgl.33.2-3.236>

Dynamics of Linguocultural Constants in the Modern German-Speaking Space (Austria, Germany, Switzerland)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2021. 71. 70–90. DOI: 10.17223/19986645/71/5

Anna V. Lenets, Tatiana V. Ovsienko, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: annalenets@sfedu.ru / tvovsienko@sfedu.ru

Keywords: linguaculture, constant, dynamics, identity, podcast, language picture of the world, German-speaking area.

The aim of the article is to analyze the dynamics of the linguocultural constants of the German-speaking area (Austria, Germany, Switzerland). The establishment, development and consolidation of linguistic and cultural constants in society are influenced by historical and relevant processes and traditions reflected in the language. The study substantiates that the representatives of the countries of the German-speaking area have a dual identity – national and European. For the Austrian identity, neutrality and arts are of fundamental importance; for the Swiss, independence and freedom are important; for the German, it is democracy and ecology. The identified constants find their convincing confirmation in modern radio discourse. The material of the study is the audio files of the German-speaking transalpine political podcast Zeit Online. In the Servus. Grüezi. Hallo podcast, topics of political and sociocultural life in Austria, Germany, Switzerland are presented. A total of 96 podcasts in German were analyzed. The basis of the study is linguoculturological methods and techniques for the study and description of concepts. Semantic-stylistic and contextual analysis, as well as a quantitative calculation method, were also used. German, Austrian and Swiss linguocultural constants were determined based on the analysis. The content of podcast constants revealed the basic constants of the German-speaking space: a state based on legality, prosperity, nature / Alps, ecology / environmental protection, art / traditions, religion, physical education, patriotism, education, etc. The definition of the marked constants allowed concluding that these linguistic cultures have key values that reflect the general national and cultural themes of the German-speaking area. In conclusion, the values common to the German-speaking area are realized with different realities. These realities are fixed in the language and characterize the national specifics of each sociocultural group separately: environmental friendliness for Ger-

man linguistic culture, imagination/creativity for Austrian linguistic culture, and peace for Swiss linguistic culture. In the Austrian national-cultural space, neutrality and art dominate; in the German one, it is coalition and ecology; in the Swiss one, it is referendum, rest and nature. All the found constants are closely correlated within the German-speaking space and form the basis of the picture of the world of the German-speaking linguistic culture. Humanity and solidarity, neutrality and creativity, independence and order are the prevailing components of the German-speaking linguistic culture.

References

1. Lukov, V.A. (2014) Cultural constants: thesaurus approach. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki – Vestnik of Moscow City University. Series: Philosophical Sciences*. 2 (10). pp. 111–119. (In Russian).
2. Lur'e, S.V. (2017) The culture and its script. Implicit generalized script as the intracultural integrator. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' – Social Sciences and Contemporary World*. 2. pp. 153–164. (In Russian).
3. Miller, A.I. (2005) Debaty ob istorii i nemetskaya identichnost' [Debates on History and German Identity]. *Politicheskaya nauka – Political Science*. 3. pp. 66–75.
4. Gilson, E. (1969) *Linguistique et philosophie. Essai sur les constantes philosophiques du langage*. Paris: Librairie philosophique J. Vrin.
5. Karasik, V.I. (2019) Narrative dimension of linguocultural values. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 47. pp. 59–75. (In Russian). DOI: 10.17223/19996195/47/4
6. Stepanov, Yu.S. (1997) *Konstanty. Slovar' russkoy kul'tury* [Constants. Dictionary of Russian culture]. Moscow: Shkola, Yazyki russkoy kul'tury.
7. Kusse, Kh. & Chernyavskaya, V.E. (2019) Culture: Towards its explanatory charge in discourse linguistics. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literature – Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 16 (3). pp. 444–462. (In Russian). DOI: 10.21638/spbu09.2019.307
8. Alefirenko, N.F. (2011) Linguocultural nature of mentality. *Yazyk. Slovesnost'. Kul'tura – Language. Philology. Culture*. 1. pp. 20–39. (In Russian).
9. Ivanova, L.A. & Poluyanov, T.A. (eds) (2013) *Yazyk i kul'tura: polikul'turnyy potential nemetskogo yazyka* [Language and Culture: Multicultural potential of the German language]. Proceedings of the International Conference. Ulyanovsk. 4–5 April 2013. Ulyanovsk: Ilya Ulyanov State Pedagogical University.
10. Ivanova, L.A. & Poluyanov, T.A. (2014) *Nemetskiy yazyk v epokhu globalizatsii: vyzovy i perspektivy* [The German Language in the Era of Globalization: Challenges and Prospects]. Ulyanovsk: Ilya Ulyanov State Pedagogical University.
11. Borčić, N. & Wollinger, S. (2008) Deutschland, Österreich, Luxemburg und die Schweiz: Identität und Sprachpolitik. *Informatologia*. 41. pp. 156–160.
12. Kauganov, E. (2013) Diskurs natsional'noy identichnosti v poslevoennoy Germanii [Discourse of national identity in post-war Germany]. In: Martynova, M.Yu. (ed.) *Ocherki o evropeyskoy identichnosti i mnogokul'turnosti* [Essays on European Identity and Multiculturalism]. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology RAS. pp. 11–74.
13. Volkov, V.V., Volkova, N.V. & Gladilina, I.V. (2019) Russian mentality and European identity. The linguistic and linguo-mental aspects. *Vestnik TvGU. Seriya "Filologiya" – Vestnik TvGU Series: Philology*. 1 (60). pp. 69–80. (In Russian).
14. Poptsov, D.A. (2015) Specifics of European and national level in the structure of identity of Germans (historical and statistical aspects). *Vestnik TGPU – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 9 (162). pp. 262–269. (In Russian).
15. Vasil'ev, V.I. (2013) Austrian identity and European integration. *Obozrevatel' – Observer*. 2 (287). pp. 98–115. (In Russian).
16. Chesnokova, L.V. (2017) *Kontsepty nemetskoy kul'tury* [German Culture Concepts]. Noginsk: Analitika RODIS.

17. Sharypina, T.A., Poluyakhtova, I.K. & Men'shchikova, M.K. (eds) (2016) *Natsional'nye kody v evropeyskoy literature XIX–XXI vekov* [National codes in European literature of the 19th – 21st centuries]. Nizhniy Novgorod: Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod.
18. Kholler, E.V. (2016) Dekonstruksiya dekonstruksii, ili kak issledovat' identichnost' [Deconstruction of deconstruction, or how to explore identity]. In: Ignat'ev, R.N. et al. *Peremeny v samosoznanii i zhiznennom uklade evropeytssev na rubezhe XX–XXI vekov (Avstriya, Islandiya, Ispaniya, Serbiya)* [Changes in the consciousness and lifestyle of Europeans at the turn of the 20th – 21st centuries (Austria, Iceland, Spain, Serbia)]. Vol. 248. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology RAS. pp. 5–13.
19. Karaulov, Yu.N. (1987) *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian Language and Linguistic Personality]. Moscow: Nauka.
20. Grosheva, G.V. (2014) German discourse about the past and the problem of correlation of national and European identity of Germans (second half of the 20th – beginning of the 21st centuries). *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy – Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 3 (5). pp. 57–67. (In Russian).
21. Rogozhin, A.A. (2011) On the issue of German national self-consciousness genesis in the context of international relations: the history and the present. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya – Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*. 1 (19). pp. 98–103. (In Russian).
22. Khauer-Tyukarkina, O.M. (2013) Diskurs natsional'nogo v sovremennom nemetskom obshchestve [Discourse of the national in modern German society]. *Politika: Analiz. Khronika. Prognoz – Politeia*. 4 (71). pp. 67–78.
23. Shimov, Ya. (2003) *Avstriya i Vengriya: identichnost' na razvalinakh / Avstro-Vengerskaya imperiya* [Austria and Hungary: Identity on the ruins / Austro-Hungarian Empire]. Moscow: Istok.
24. Babich, I.L. (2018) Contemporary conflicts with Caucasian and Muslim migrants as a method of preserving Swiss identity. *Dialog*. 3 (12). pp. 77–90. (In Russian).
25. Domenichini, B. (2018) Podcastnutzung in Deutschland. Ergebnisse einer empirischen Studie. *Media Perspektiven*. 2. pp. 46–49.
26. Lenets, A.V. & Ovsienko, T.V. (2018) Phraseological representation of linguocultural constants "maskulinity / femininity" (in the framework of the German language). *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki – Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 1 (29). pp. 62–68. (In Russian). DOI: 10.29025/2079–6021-2018-1(29)-62-68
27. Perloff, M. (2019) *Ironie am Abgrund. Die Moderne im Schatten des Habsburgerreichs: Karl Kraus, Joseph Roth, Robert Musil, Elias Canetti, Paul Celan und Ludwig Wittgenstein*. Wien; Hamburg: Edition Konturen.
28. Müller, S. (2016) Wiener Schmä. In: Feichtinger, J. & Uhl, H. (eds) *Habsburg neu denken. Zentraleuropa-Erfahrungen und ihre Gegenwartsrelevanz*. Wien; Köln; Weimar: Böhlau. pp. 237–244.
29. Bär, J. (2018) Schlüsselbegriffe als Kulturvermittler. Zur Semantik und Funktion von kulturspezifischen Lexemen des Schweizerdeutsch. *Linguistische Treffen in Wrocław*. 14. pp. 259–268. DOI: 10.23817/lingtreff.14-23
30. Fanzun, J.A. (2005) Schweizerische Menschenrechtspolitik seit dem Zweiten Weltkrieg – ein Überblick. *Jusletter (Die grösste juristische Universalzeitschrift der Schweiz)*. 7. Februar. [Online] Available from: https://jusletter.weblaw.ch/jusissues/2005/313/_3707.html__ONCE&login=false (Accessed: 01.02.2020).
31. Zabolotskikh, L.V. (2018) *Natsional'naya kontseptosfera kak faktor formirovaniya kul'turnoy kartiny mira (na primere Avstrii)* [The national conceptual sphere as a factor in the formation of the cultural picture of the world (on the example of Austria)]. Culturology Cand. Diss. Moscow.

32. Medvedeva, T.S. (2010) The values of German people: history and modern time. *Vestnik Udmurtskogo universiteta – Bulletin of Udmurt University*. 3. pp. 130–134. (In Russian).
33. Medvedeva, T.S., Oparin, M.V. & Medvedeva, D.I. (2011) *Klyuchevye kontsepty nemetskoj lingvokul'tury* [Key Concepts of German Linguoculture]. Izhevsk: Udmurt State University.
34. Muravleva, N.V. & Muravleva, E.N. (2003) *Avstriya. Lingvostranovedcheskiy slovar'* [Austria. Linguistic and Cultural Dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk-Media.
35. Muravleva, N.V. et al. (2011) *Germaniya. Lingvostranovedcheskiy slovar'* [Germany. Linguistic and Cultural Dictionary]. Moscow: AST.
36. Takhtarova, S.S. (2019) Pragmalinguistic peculiarities of intercultural communication in German speaking Switzerland. *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki – Proceedings of Southern Federal University. Philology*. 1. pp. 147–154. (In Russian). DOI: 10.23683/1995-0640-2019-1-147-154
37. Kholler, E.V. (2017) Functional usefulness of stereotype in the construction of identity: the case of Austria. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya – Siberian Historical Research*. 1. pp. 74–98. (In Russian). DOI: 10.17223/2312461X/15/6
38. Bühler, E. (2001) Zum Verhältnis von kulturellen Werten und gesellschaftlichen Strukturen in der Schweiz. Das Beispiel regionaler Gemeinsamkeiten und Differenzen der Geschlechterungleichheit. *Geographica Helvetica*. 2 (56). pp. 77–89.
39. Scharloth, J. (2007) Asymmetrische Plurizentrität und Sprachbewusstsein. Einstellungen der Deutschschweizer zum Standarddeutschen. *Zeitschrift für germanistische Linguistik*. 2–3 (33). pp. 236–267. DOI: 10.1515/zfgl.33.2-3.236